УДК 294.6

DOI 10.31554/978-5-7925-0573-5-2019-2-91-116

Е. Ю. Харьков¹

МУГЕ САМТЭН ГЯЦО – ВЫДАЮЩИЙСЯ БУДДИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ ТИБЕТА XX в.

В статье содержатся результаты исследования автобиографии буддийского ученого, религиозного деятеля и просветителя Муге (Мурге) Самтэна Гьяцо (1914–1993), чья жизнь и творчество мало известны в России и за рубежом. В отечественной тибетологии практически нет работ, посвященных тибетским письменным памятникам новейшей истории, которые дают представление о судьбе тибетского буддизма в КНР после драматических событий середины XX в. В данной статье утверждается, что автобиография Муге Самтэна Гьяцо «Зерцало, отражающее историю моей жизни» (*Rang gsal A dar sha*) является источником, представляющим ценность не только для изучения жизни ученого, но и новейшей истории тибетского буддизма. Целью исследования сочинения было определить роль, которую Муге Самтэн Гьяцо играл в религиозной, интеллектуальной и культурной жизни тибетского народа, оценив масштабы его многосторонней деятельности. Основной задачей исследования была реконструкция этапов жизненного пути ученого в историко-культурном контексте на основе изучения автобиографии и других тибетских исторических сочинений. Подходы к тексту и его историографическое описание основаны на методологических установках А. И. Вострикова. Исследование автобиографического материала сочинения показало, что Муге Самтэн Гьяцо был широко известным буддийским ученым, знатоком десяти буддийских индо-тибетских наук, автором многочисленных сочинений и убежденным защитником тибетского духовного и интеллектуального наследия. Фактический материал, приведенный в автобиографии, представляет ценность для более глубокого понимания новейшей истории тибетского буддизма, в частности, изменений в религиозной, культурной и социально-политической жизни тибетских автономий во время китайской культурной революции и после нее. Изучение автобиографии Муге Самтэна Гьяцо и его творческого наследия позволяет сделать вывод о том, что он был одним из самых крупных представителей тибетобуддийской учености XX в.

Ключевые слова: Муге Самтэн Гьяцо (dMu dge bsam gtan rgya mtsho), автобиография (rang gi gnam thar), новейшая история тибетского буддизма, буддийская культура, буддийские науки.

¹ Харьков Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: evam2000@mail.ru.

E. Yu. Kharkova

MUGE SAMTEN GYATSO AS A PROMINENT BUDDHIST SCHOLAR AND EDUCATOR OF THE 20th-CENTURY TIBET

The paper presents the results of the study of the autobiography by Muge (Murge) Samten Gyatso (1914–1993), a Buddhist scholar, religious leader and educator, whose life and works are little known in Russia and abroad. To date there have been few works by Russian tibetologists analyzing contemporary literary texts that shed light on the history of Tibetan Buddhism in China after the dramatic events of the 1950s. The present paper claims that “The Mirror of My Life” (*Rang gsal A dar sha*) by Muge Samten Gyatso is an important original source providing information on its author’s life and, moreover, on the recent history of Tibetan Buddhist culture in its homeland. Based on the study of this text and other historical sources, the present paper aims to determine the role that the scholar played in the religious, intellectual and cultural life of the Tibetans by evaluating the scale of his multifarious activities. The main research objective is to reconstruct the formative stages of his career viewing them within the relevant historical context. The analysis of the text and its historiographic description are based on the methodological approaches used by Andrei I. Vostrikov. The results of the study show that Muge Samten Gyatso was a celebrated Buddhist scholar, an expert in the ten Buddhist Indo-Tibetan cultural sciences, a prolific writer, and a dedicated champion of Tibetan spiritual and intellectual heritage. The factual evidence we find in the autobiography allows to gain a deeper knowledge of the recent history of Tibetan Buddhism and, in particular, of the changes in religious, social and political life in Tibetan autonomies during the Cultural Revolution and thereafter. The results of the study of the autobiography and the collected works by Muge Samten Gyatso allow to place him among the most important Tibetan scholars of the 20th century.

Keywords: dMu dge bsam gtan rgya mtsho, autobiography (*rang gi rnam thar*), recent history of Tibetan Buddhism, Buddhist culture, Buddhist cultural sciences.

Самтэн Гьяцо Мичжиг Янчен Гавэ Лодой (1914–1993) широко известен в Тибете как Муге Самтэн Гьяцо (dMu dge bsam gtan rgya mtsho). Этот буддийский ученый, просветитель, религиозный и общественный деятель оставил заметный след в тибетской культуре минувшего столетия. Как и его старший современник Гендун Чойпэл (1903–1951)¹, он получил классическое буддийское образование в монастыре Лавран Ташикбил (Bla brang bkra shis dkyil) в Восточном Тибете. Муге Самтэну Гьяцо, который никогда не покидал родину, довелось пережить сложный период культурной революции, когда сильна была угроза разрушения буддийской традиции и национального уклада жизни тибетцев. Возрождение тибетской культуры в начале 1980-х гг. потребовало неустанного труда многих

¹ dGe 'dun chos 'phel. Жизни и творчеству этого известного ученого и поэта посвящена монография Хизер Стоддард «Странник из Амдо» [Stoddard].

ученых, среди которых были Муге Самтэн Гьяцо, Цетэн Шабдрун (1910–1985)¹ и Дункар Лобсан Тинлэй (1927–1997)².

Здесь хотелось бы представить читателю исследование автобиографии (*rang gi nam thar*) Муге Самтэна Гьяцо, который, несомненно, является одним из самых ярких представителей буддийской учености Тибета XX в.

Автобиография Муге Самтэна Гьяцо *Rang gsal Adarsha*. Самое полное жизнеописание Муге Самтэна Гьяцо³, которое дает возможность проследить этапы его становления как буддийского пандиты, – это автобиография ученого «Зерцало, отражающее историю моей жизни» (*Rang gi byung ba brjod pa Rang gsal A dar sha*)⁴. Это сочинение также представляет собой ценный источник для изучения истории буддийской культуры Тибета XX в.: фактический материал, приведенный здесь, дает возможность реконструировать многие детали бытования буддизма в Восточном Тибете, в частности, особенности современной автору монастырской культуры; большой интерес представляют географические, этнографические и историко-культурные сведения. В сочинении подробно описан процесс возрождения буддийской культуры после 1977 г. в Аба-Тибетском автономном округе и та работа, которой посвятил себя ученый для возобновления деятельности монастырей и буддийского образования. Материалы жизнеописания свидетельствуют о том, что Муге Самтэн Гьяцо прошел нелегкий путь от ступени ученичества до обретения статуса религиозного наставника и стал примером подвижнического труда на благо сохранения буддийского наследия и духовных ценностей Тибета.

Автобиография создавалась Муге Самтэном Гьяцо на протяжении многих лет. В основу легли детские и юношеские воспоминания автора, а также дневниковые записи, которые он вел на протяжении всей жизни. Даты событий до 1950 г. можно установить на основании данных о возрасте ученого, которые он приводит. Точные даты в тибетском и мировом исчислении даны в сочинении с 1950 г. Последние годы жизни Муге Самтэна Гьяцо (1990–1993) описаны чрезвычайно подробно. Это объясняется тем, что записи под его диктовку вели уче-

¹ Tshe tan zhab drung. Известный буддийский ученый, знаток традиционных наук, автор трудов по философии, грамматике, астрономии. В 1987 г. был опубликован его *сумбум*. Краткая биография ученого опубликована [Dung dkar: 1705–1707].

² Dung dkar blo bzang 'phrin las. Лама-перевоспощенец (*тулку*) монастыря Линчжи, *геше-лхарамба*, профессор истории Тибетского университета в Лхасе, составитель энциклопедического словаря реалий и персоналий тибетской культуры «Ясное разъяснение наук» (*She sbya rab gsal*) [Dung dkar].

³ Краткая биография Муге Самтэна Гьяцо содержится в статье словаря реалий и персоналий тибетской культуры Дункара Лобсана Тинлэя *She bya rab gsal*, составленная на основе текста автобиографии ученого [Dung dkar: 1632–1635].

⁴ Автобиография ученого входит в первый том первого издания его *сумбума* [Gsung 'bum 1: I, 525–707]. Во втором издании *сумбума* автобиография также входит в первый том [Gsung 'bum 2: I, 359–482].

ники, повсюду сопровождавшие учителя, страдавшего тяжелым заболеванием глаз. Их имена неоднократно упомянуты в тексте – это его племянники гецул Лабсум Гьяцо (bSlab gsum rgya mtsho) и Сонам Таши. Последняя запись, сделанная под диктовку ученого, датируется февралем 1993 г. Колофон отсутствует, но в конце сочинения есть «последний завет» друзьям и ученикам:

Las kyī bzo bas bstrun pa'i khang khyim de ||
Bsod nam ka bas 'degṣ par ma nus pas ||
Lus kyī khang khyim zhig la khad par gyur ||
Grogṣ dge ba yi bshes rnamṣ bde mo gyis ||
Phyi su yang yang mjal ba'i smon lam 'debs ||
Byang chub sems kyis rang rgyud phyug par shog || [A: 694].

Построен мастером-кармой этот дом,
А центральный столб заслуги не смог поддержать его¹ –
И вот дом этого тела близок к концу своего существования.
Друзья мои, геше, пребывайте во благе,
Молюсь о том, чтобы в дальнейшем мы вновь и вновь встречались.
Да обогатится поток вашего сознания мыслью о просветлении!²

Описание последних дней жизни, кончины и захоронения праха Муге Самтэна Гьяцо в Ендум чотэне (dByen zlum mchod rten)³ у стен монастыря Муге Таши Хорло изложено в двух приложениях, написанных его учеником Шерабом Гьяцо, ныне настоятелем монастыря Муге Таши Хорло, по черновым записям внучатого племянника ученого Лабсума Гьяцо.

В автобиографию входит Поклонение (тиб. mchod par brjod pa, санскр. maṅgalaśloka), представляющее собой небольшой самостоятельный раздел сочинения (с. 525–528), семь глав, в которых изложено основное содержание автобиографии (с. 528–694), а также два приложения, одно из которых посвящено кончине ученого, а другое – истории строительства, восстановления и освящения Ендум чотэна (с. 694–707).

Названия глав, в которых изложено основное содержание автобиографии, дают представление об этапах жизненного пути автора. Нельзя однозначно судить о том, авторские ли это названия, и была ли сделана подобная разбивка на главы самим автором. В названиях глав употребляются только глаголы в формах вежливости: рукопись автобиографии вычитывали и готовили к передаче в издательство ученики Муге Самтэна Гьяцо – практика весьма распространенная в буддийской культуре Тибета.

¹ Смысл сказанного автором в том, что обретенная им в этом и в предыдущих рожденьях религиозная заслуга (тиб. bsod nams, санскр. puṇya), являлась основным условием, от которого зависела продолжительность его жизни.

² Здесь и далее перевод автора.

³ Построен в XVIII в. Кхецаном Чжамьяном Кхедубом Гьяцо.

Автобиография Муге Самтэна Гьяцо – это произведение в жанре *намтар*. Согласно определению самого ученого, «*Намтаром* называется последовательное описание ступеней освобождения от всех страданий, подразумеваемых истинной страдания, которое возможно после искоренения причины страдания в результате осуществления всех практик, подразумеваемых истиной пути» [А: 527]. Рассматривая это определение во всей его глубине, сам автор отрицает, что созданное им сочинение – *намтар*, и подчеркивает, что замысел его работы заключался в создании правдивого жизнеописания – без преувеличений и искажений. Муге Самтэн Гьяцо мотивирует создание автобиографии желанием избежать переоценки своей деятельности в работах, которые могли бы посвятить его жизнеописанию ученики. В поддержку своей позиции он приводит высказывание Юнтон Дорже Пэлсанпо¹:

sLob mas brtsams pa'i rnam thar phal cher ni||
 Che brjod drags pas bla ma zog par gtong||
 Tes na rang gis rang gi rnam thar ni||
 sGro skur spangs nas mdor bsdu y'i ger bkod|| [А: 528].

Большинство *намтаров*, написанных учениками,
 Излишней хвалою создают ложное представление об учителе.
 Поэтому сами пишите свои *намтары* –
 Кратко, отбросив преувеличение [заслуг].

Традиционные элементы композиции и особенности стиля позволяют нам считать сочинение Муге Самтэна Гьяцо образцом тибетской автобиографии в жанре *намтар*: во-первых, в тексте есть стихи-подношение, выражающие поклонение, в которых автор четко обозначает, к какой традиции он принадлежит; во-вторых, он называет адресата своего сочинения, упоминая о том, что его жизнеописание создано по просьбе многочисленных учеников²; в-третьих, в сочинении присутствуют три смысловых пласта – исторический, дидактический и символический, или мистический, соотносимые с «внешним», «внутренним» и «тайным» аспектами традиционной тибетской биографии. Главным в рассматриваемом сочинении является религиозно-дидактический аспект, который раскрывается через такие ключевые моменты, как принадлежность к определенной линии преемственности и описание жизненного пути с точки зрения обретения «двух накоплений» (санскр. dvi sambhāra, тиб. tshogs gnyis) – религиозных заслуг и мудрости.

¹ Тиб. gYung ston rdo rje dpal bzang po (1284–1365). Известный представитель школы нингма, знаток учения тантр [Dung dkar: 1877].

² Джэнет Гьяцо, характеризуя жанр тибетской автобиографии, пишет следующее: «Вопрос читательской аудитории – это то, с чего стоит начать исследование тибетобуддийской автобиографии. Читателями такой автобиографии в основном являются ученики – настоящие и будущие – ее автора. Ученики играют важную роль, обуславливая природу личности, представляемой в автобиографии» [Gyatso 1992: 469].

Индийская, китайская, а затем и тибетская традиция породили собственные образцы биографической и агиографической литературы. Следует отметить, что в Тибете жанр биографии, как, впрочем, и другие жанры исторической литературы, получил гораздо более широкое распространение, чем в самой Индии. Американский тибетолог Джэнет Гьяцо, исследовавшая данную проблему, пишет: «Удивительнее всего тот факт, что представители индобуддийской традиции создали так мало автобиографий. Хотя *Тхерагатха* и *Тхеригатха* содержат автобиографические сведения, они в основном ограничиваются обстоятельствами принятия монашеских обетов и объемом не превышают нескольких строф» [Gyatso 1992: 466]. Отметим, что для тибетской исторической литературы характерно большое количество не только биографических, но и автобиографических сочинений. Далее, в той же статье, Дж. Гьяцо пишет: «Пытаясь оценить, насколько жанр автобиографии распространен в Тибете, я подсчитала количество тибетских автобиографий: оказалось 103 автобиографии, многие из которых своим объемом превышают 200 страниц. Следует отметить, что это лишь самая приблизительная оценка, и мой список автобиографий продолжает увеличиваться. Мы вовсе не были бы неосторожны, предположив, что до наших дней сохранилось в половину больше указанного мною количества тибетских автобиографий».

Исследуя тибетские биографии, А. И. Востриков говорит о трех основных типах подобных сочинений [1962: 109–119]. Это обычные или «общие» жизнеописания (*thun mong pa*), в которых авторы описывают свою собственную жизнь или жизнь другого лица (эти биографии также называются «внешними», тиб. *phyi'i rnam thar*). Ко второму типу биографий относятся «тайные» жизнеописания (*gsang ba'i rnam thar*), в которых авторы, обычно очень кратко, рассказывают об отдельных мистических событиях в своей жизни или реже – о событиях в жизни другого хорошо известного им лица. Существуют также «внутренние» биографии (*nang gi rnam thar*), которые содержат сведения о духовных достижениях автора. К подобным сочинениям относятся «книги о достигнутом» (*thob yig*) и «книги об услышанном» (*gsan yig*), представляющие собой своеобразные историко-литературные произведения. Это более или менее систематизированные списки дисциплин, наставлений и посвящений, полученных автором, часто включающие перечень имен духовных лиц, составляющих линию преемственности передаваемого учения. Как указывает А. И. Востриков, этой классификации придерживается Дэси Сангье Гьяцо (1653–1705), а за ним и многие другие тибетские авторы, рассматривая многотомное жизнеописание Пятого Далай-ламы Агвана Лобсана Гьяцо (1617–1682) [Там же: 112].

В тибетской традиции разные смысловые уровни, различные аспекты жизнеописания религиозных деятелей получили оформление как отдельные биографические жанры – «внешней», «внутренней» и «тайной» биографии. В действительности различные смысловые пласты жизнеописания просматриваются и в индийских биографиях. Так, Джеймс Робинсон предлагает рассматривать «Жи-

тия восьмидесяти четырех махасиддхов» (*Caturaṣīti-siddhapravṛtti*) Абхаядатты с трех точек зрения – как памятник исторической литературы, как произведение индийской агиографии и как насыщенное мифологией повествование [Robinson 1996: 62]. Кейт Даумэн также указывает на три смысловых аспекта в этом произведении – дидактический, символический и исторический [Dowman 1985: XI].

Описание духовного пути также имеет свои устойчивые элементы. В повествовании такого рода обязательно должны быть отражены: 1) возвращение в потоке сознания адепта трех аспектов *праджни* – слушать учение, размышлять над его смыслом, осваивать его в процессе практики созерцания (санскр. śravaṇa, cintā, bhāvanā; тиб. thos, bsam, sgom gsum) [Ruegg 1996: 39]; 2) обретение трех достоинств – ученость, нравственность, служение другим (mkhas btsun bzang gsum gyi yon tan); 3) осуществление трех основных функций ученого, обозначенных четвертым патриархом школы Сакья – Сакья Пандитой Кюнга Гьялценом (1182–1251) в его «Введение в ученость» (*mKhas pa rnams 'jug pa'i sgo*), проповедь, диспут, составление сочинений (*'chad, rtsod, rtsom gsum*) [Sa pan: Tha, No. 6, f. 163–224a].

Следует отметить, что в автобиографии Муге Самтэна Гьяцо особое место уделено перечням полученных им, а также переданных им ученикам наставлений и посвящений. Подобные перечни – «книги о достигнутом» (*thob yig*) или «книги об услышанном» (*gsang yig*) – нередко выступают в качестве самостоятельных сочинений. Как было сказано выше, они относятся к жанру «внутренней» биографии.

В своем жизнеописании Муге Самтэн Гьяцо подробно остановился на обучении в системе монастыря-университета Лавран Ташикбил. Мы находим здесь сведения о теоретическом и практическом освоении «пяти больших» и «пяти малых» наук, а также о практиках сосредоточения класса сутры и тантры, совершаемых им на этапе ученичества. Главы, посвященные периоду творческой зрелости, содержат повествование о том, как автор осуществлял три вида деятельности ученого – проповедь, диспут и составление сочинений.

Вторым по значению аспектом рассматриваемой автобиографии является внешняя, событийная канва, прежде всего, описание исторических событий и лиц, повлиявших на судьбы Тибета и на жизнь самого ученого. Сочинение содержит ряд ценных сведений о бытовании буддизма в Восточном Тибете в XX в., в частности, о реалиях современной автору монастырской культуры, а также географический, этнографический и историко-культурный материал. К историческому аспекту повествования мы также относим сведения об освоении Муге Самтэном «внешних» наук.

Что касается третьего, символического, уровня сочинения, то он представлен описаниями сновидений, предвещающих важные события или связанных с опытом, полученным в результате практики созерцания. Очевидно, что символический язык сновидений иногда отражал реакцию автора на происходящие события. Включенные в повествование описания сновидений характеризуют автора как

творчески одаренную личность с ярким образным мышлением и незаурядными литературными способностями.

Определив три аспекта прочтения автобиографии Муге Самтэна Гьяцо, перейдем к рассмотрению трех ее смысловых уровней, начиная с «внешнего» – исторической основы сочинения.

Основные этапы деятельности Муге Самтэна Гьяцо. Первый этап жизни автора – детство и ранний период ученичества, охватывает время с 1914 по 1933 г. Он описан в двух первых главах сочинения – «О рождении» и «О принятии первичных монашеских обетов». В описание раннего периода жизни автор включил элементы типовой тибетской биографии, прежде всего рассказ о местности, где он родился. Прежде чем мы обратимся непосредственно к тексту автобиографии, необходимо сделать ряд замечаний о Восточном Тибете. Согласно И. А. Прусаускаене, «Восточный Тибет, занимающий восточную часть Тибетского нагорья, – это условное (не географическое и не политико-административное) название, принятое в основном в литературе для обозначения восточно-тибетских областей. Основная часть Восточного Тибета исторически делится на две этногеографические области: северную – Амдо (район кочевого скотоводства) и южную – Кхам (земледельческо-скотоводческий район)» [1978: 121]. В настоящее время на территории Амдо расположены юго-западные уезды провинции Ганьсу и большая часть провинции Цинхай, а на территории Кхама – округ Чамдо и западные уезды провинции Сычуань.

Буддийская культура Восточного Тибета развивалась очень интенсивно, поскольку в этом регионе были сконцентрированы основные коммуникации, связывающие Центральный Тибет с Китаем, Монголией, Восточным Туркестаном. Население Восточного Тибета не было этнически однородным: здесь жили тибетцы, тангуты, монголы, монголы, ойраты, китайцы, маньчжуры [Козлов 1948: гл. 11, 12, 19–22]. Важным источником сведений об этом регионе является «История буддизма в Восточном Тибете» (*mDo smad chos 'byung*) – сочинение, написанное в 1865 г. Тагтомпой Тэнпа-Рабгье (Brag dgon zhabs drung dkon mchog bstan pa rab rgyas), сорок девятым настоятелем Лаврана [BGTC: 1384; Востриков 1962: 16]. Муге Самтэн Гьяцо посвятил истории Восточного Тибета вторую часть своего сочинения «История Тибета “Зерцало блаженства”» (*Bod kyi lo rgyus kun dga'i me long*) [Gsung 'bum 1: Pod 3, 3–383].

В автобиографии ученый сообщает, что родился в изобилующей лесами местности Муге (или Мурге на местном диалекте), входящей в уезд Сунчудзон (Zung chu rdzong) – Гьялрон (rGyal rong, полн. rGyal tsha mo rong). В этой части северо-восточного Кхама ныне находится Аба-Тибетский автономный округ провинции Сычуань¹. Как указывает автор, «местность Муге, несомненно, ранее

¹ Аба-Тибетский автономный округ в провинции Сычуань был образован в январе 1953 г. Курс на создание национальных автономий в местах компактного проживания тибетцев был принят руководством КНР в 1949 г. и рассматривался как основа решения

была тибетской¹. Во времена экспансии империи Тан тибетцы, вытеснившие танские войска [из пределов страны], постепенно собрались и осели в этой местности» [А: 529]. Ученый приводит любопытное истолкование смысла топонима Муге: «[Здесь] божества держат нить *му* (*dmu thag*), и всеми десятью благими качествами (*dge*) исполнена местность» [Там же: 530]. В этом истолковании присутствуют два пласта ассоциаций – древние бонские и буддийские. Указание автора на то, что словосочетание *му тхак* (нить *му*) является ключом к пониманию происхождения топонима Муге, дает основания для следующего предположения. Согласно древним представлениям бон, небесный род *Му* (*dMu*) был связан с земным миром серебряной нитью, по которой небожители (в числе которых были легендарные тибетские цари) могли спускаться к людям. По этой же нити люди поднимались на небо, когда срок их земной жизни подходил к концу. Серебряная нить понималась как своего рода небесная лестница – *dmu skas* (*му ке*)², или «небесная лестница *му*». Таким образом, можно предположить, что в результате фонетических изменений, характерных для данной местности, словосочетание *муке* стало произноситься как Муге или Мурге.

Согласно автобиографии, семья будущего ученого жила в местности Сог по (*Sog po*), входившей в Первый Район Гьялрона под названием Рондэ Танво (*Rong sde dang bo*), который находился под управлением монастыря Муге Таши Хорло (*dgon pa'i 'og gi sde pa*). Этот монастырь сыграл важную роль в судьбе автора, поэтому в сочинении он приводит его краткую историю: «Монастырь Муге Таши Хорло был основан одним из “четырёх учеников Цонкхавы, пришедших самыми первыми” (*snga tshar bzhi*), по имени Цакхова Агван Такпа³. Затем монастырь был на попечении трех сменивших друг друга *тулку* местности Тонкор (*sTong skor*). Потом Муге Таши Хорло был передан в качестве подношения Второму Чжамьяну Шейпе [Кёнчогу Чжигмэ Ванпо (1728–1791)], который, передав [монахам] четыре совмещенных комментария⁴, основал там факультет тантры, и монастырь стал филиалом (*dgon lag*) Лаврана. Во времена 3-го Чжамьяна Шейпы [Лобсана Тубтэна Чжигмэ Гьяцо (1792–1855)] в монастыре был учрежден факультет философии и введено тринадцатилетнее обучение. Когда я поступил в

национального вопроса в стране. Первые тибетские автономии появились в 1950 г. [Кычанов, Мельниченко 2005: 263].

¹ Вскоре после создания централизованного тибетского государства (VII в.) в его состав вошла большая часть территорий, лежащих к востоку от его границ: в 670 г. тибетцы завоевали область вокруг озера Кукунор, а затем почти всю территорию Ганьсу, большую часть Сычуани и север Юннани [А: 529; Праздаускене 1978: 122].

² Это слово разъясняется в словаре Дункара Лобсана Тинлэя [Dung dkar: 1635].

³ Цакхо (*Tsha kho*) – одно из племен, населявших Гьялрон [КМ: 329]. Цакхо Вёнпо Агван Такпа был сыном князя Цакхо. Именно по его просьбе Чже Цонкхава написал известное сочинение «Три основы Пути» (*Lam gtso rnam gsum*). Цакхова распространял учение гелуг в Восточном Тибете, где основал несколько монастырей, в том числе и монастырь в Муге [Dung dkar: 1687].

⁴ *Gral ba bzhi brags*. Это пословные комментарии с четырьмя типами примечаний [BGTC: 515].

этот монастырь, там было более пятисот монахов. Среди них было много достойных геше, много монахов, искусных в ритуальном пении, было немало и тех, кто практиковал вращение молитвенных колес и созерцание. Были среди монахов и бездельники, отличавшиеся плохим поведением» [А: 534]¹.

Эта часть повествования также содержит сведения о роде занятий, имущественном статусе и религиозной традиции семьи автора. О своей родительской семье Муге Самтэн Гьяцо сообщает, что она была не слишком бедна и не слишком богата. Это сообщение согласуется с традиционными представлениями о благоприятствовании среднего достатка для духовного роста. Из рода Тэлцан (Thal tshang), к которому принадлежала его матушка А Цэ (A Tshe), вышло немало ученых лам, среди которых был Аку Лобсан Чойдэн, двоюродный дед Муге Самтэна Гьяцо. Одно время этот просвещенный духовный деятель был настоятелем монастыря в местности Амчог – Амчог-гёнпа, где преподавалась философия и логика, а затем занял трон монастыря Муге Таши Хорло, что сыграло большую роль в дальнейшей судьбе мальчика.

Еще один важный элемент традиционной автобиографии – описание принятия монашеских обетов. Обстоятельства своего принятия монашества Муге Самтэн Гьяцо излагает в традиционной форме: когда ему исполнилось 10, а по буддийскому счету 11 лет², он вместе с десятью другими мальчиками принял обеты *гецула*³ в присутствии ламы Лобсана Тэнпе-Ньимы и получил имя Лобсан Самтэн. С этого события началась его жизнь в монастыре Муге Таши Хорло [Там же: 533].

Ранний период ученичества Муге Самтэна Гьяцо связан с монастырем Муге Таши Хорло, где обучение осуществлялось на основе программы, действующей в Лавране и его филиалах. Эта система обучения, которая соответствовала традиции школы гелуг, базировалась на учебных, философских и доктринальных сочинениях, созданных линией воплощений Чжамьяна Шейпы. Лавранская методика обучения философии и логике, нашедшая отражение и в собственных, лавранских, учебниках *йигча* (yig cha), считалась одной из лучших в Тибете. Отметим, что в Лавране и Гоман-дацане монастыря Дрэпун использовались учебники диспута, написанные 1-м Чжамьяном Шейпой Агваном Цондуюем (1648–

¹ Поскольку монашество в Тибете было массовым явлением, очень немногие монахи проходили официальный курс обучения. Большинство же монахов (тиб. *grwa mang*) занималось деятельностью, необходимой монастырю, – ремеслами, в том числе художественными, хозяйственной, административной или даже коммерческой деятельностью [Goldstein 1998: 21].

² Согласно буддийской традиции, счет лет ведется не от даты рождения, а от даты зачатия.

³ Тиб. *dge tshul*, санскр. *śrāmaṇera*. Вторая степень монашеского посвящения, предполагающая принятие тридцати шести обетов *пратимокши* [Позднеев 1887: 111, 112, 115; Ламаизм в Бурятии... 1983: 59–62].

1721)¹. Традиция обучения философии и логике, основоположником которой был 1-й Чжамьян Шейпа, с XVIII в. распространялась в Монголии, затем этой школы стали придерживаться и во всех буддийских монастырях Забайкалья, кроме Цонгольского, который следовал традиции Сэра [Ламаизм в Бурятии... 1983: 62].

Второй этап, связанный с совершенствованием в традиционных науках и первыми опытами преподавания, датируется 1933–1950-ми гг. Ему посвящена глава третья «Обучение в монастыре Лавран Ташикбил». Единая система обучения сделала возможным переход Лобсана Самтэна в монастырь Лавран Ташикбил, где с 1933 г. он продолжил свое обучение. Второй этап жизни и деятельности Муге Самтэна Гьяцо связан с этим крупнейшим центром буддийской учености в северо-восточном Тибете.

Еще раз подчеркнем, что монастыри северо-восточного Тибета играли большую роль в буддийской культуре Монголии и Китая. Как отмечает К. М. Герасимова, из «монастырей Кукунора и Амдо вышли духовные деятели всетибетского и всемонгольского масштабов». По мнению К. М. Герасимовой, легенда о грядущем перемещении центра тибетского буддизма в Амдо и основании там крупного монастыря через 300 лет после основания Гандэна (основан в 1409 г.), распространяемая основателем Лаврана, 1-м Чжамьяном Шейпой Агваном Цондуем, объясняется не только его честолюбивыми помыслами. Основную причину распространения этой легенды она видит в том, что «маньчжурский двор, опираясь на амдоское ученое духовенство, стремился лишить Лхасу ее доминирующего влияния на политическую и духовную жизнь монгольских племен Внутренней и Внешней Монголии» [1971: 14].

В то время, когда Муге Самтэн Гьяцо проходил обучение в Лавране, монастырь находился под духовным руководством Пятого Чжамьяна Шейпы Лобсана Чжамьяна Еше Тэнпе-Гьялцена (1916–1947). Источником сведений о бытовании монастыря времени 5-го Чжамьяна Шейпы служит описание Лаврана, посвященное его памяти, изданное в Нанкине в 1947 г.² «Уроженец Литана (Кхам), 5-й Чжамьян Шейпа впервые прибыл в Лавран Ташикбил в 1920 г. В то время Лавран вместе с подчиненными ему тринадцатью деревнями относился к китайской провинции Цинхай. В 1924 г., когда Лавран подвергся нападению мусульман, *тулку* и его окружение были вынуждены бежать. В правительство Китайской Республики поступило прошение о переподчинении Лаврана провинции Ганьсу, чтобы избежать конфликтов с администрацией провинции Цинхай. В 1927 г. эта просьба была удовлетворена, и 5-й Чжамьян Шейпа в том же году вновь прибыл в Лавран» [Li Anche: 24].

¹ Первый Чжамьян Шейпа получил традиционное духовное образование и степень геше в Гоман-дацане монастыря Дрэпун, одного из трех крупнейших монастырей школы гелуг в Центральном Тибете, для которого он писал учебники по философии и логике.

² bLa brang bkra shis 'khyil. Nanjing, 1947 (на тиб. яз.). Нам оказалось доступным лишь исследование, основанное на этой книге [Li Anche].

Реконструируя историко-культурную ситуацию 1930-х, отметим, что обстановка в Восточном Тибете, который уже с XVIII в. находился под непосредственным контролем центрального правительства Китая [Празаускене 1978: 121], осложнилась в конце 20-х гг. XX в. События, происходившие в Монголии и Китае в этот период, усилили беспокойство Далай-ламы XIII Тубтэна Гьяцо (1876–1933) о дальнейшей судьбе Тибета. В своем Завете (bKa' chem), опубликованном в 1932 г., Далай-лама XIII пишет: «Если сейчас мы не сможем защитить нашу землю, даже имя Победоносных, отца и сыновей, благородных держателей Учения, будет уничтожено. Монастыри, в которых сангха практикует и поддерживает Учение, подвергнутся нападению и будут утрачены полностью со всеми их владениями. Политика трех царей – покровителей Учения – будет пресечена. ... Нет сомнений в том, что мы вступаем в эпоху угнетения и террора, и будет настолько тяжело, что и день, и ночь покажутся вечностью» [Stoddard 1985: 321].

В 1933 г. Восточный Тибет стал ареной вооруженной борьбы Гоминьдана и КПК. Муге Самтэн Гьяцо описывает один из эпизодов этого периода: «В монастырь Муге вступили гоминьдановские войска, чтобы остановить красную армию. Они были не в состоянии это сделать и, решив, что нужно лишить красноармейцев укрытия, подожгли монастырь. Половина построек сгорела, а в тех, что остались, расположились красноармейцы – Мао Цзэдун и его сторонники» [А: 541]. Именно тогда в монастыре Муге Таши Хорло состоялось заседание ЦК КПК. На следующий год монастырь в Муге снова был занят красноармейцами, что привело к массовому бегству монахов в Лавран.

Летом этого же года (1934 г.) Лавран посетил 6-й Панчен-лама Лобсан Чоки-Ньима Гелек Вангьял (1883–1937) и даровал *ванг* Калачакры 10 тысячам собравшихся [Там же]. Это сообщение Муге Самтэна говорит о том, что Лавран не был в пределах юрисдикции Далай-ламы. Историю взаимоотношений 6-го Панчен-ламы с центральным правительством Тибета описывает Цэпон Шакабпа [2003: 296–299]. Шестой Панчен-лама был найден и официально признан перевоплощением в 1888 г. В политической борьбе 1910-х гг. китайское правительство пыталось использовать его в своих целях, столкнувшись с Далай-ламой, который после свержения цинской монархии стремился к независимости от Китая на том основании, что отношения духовный наставник – милостынедатель (тиб. *mchod yon*), установленные между Тибетом и императорами Китая в эпоху Юань (1279–1368), перестали существовать [Богословский, Москалев 1984: 39–47]. Была искусственно создана ситуация противостояния администрации Панчен-ламы и лхасской администрации. В 1923 г. Панчен-лама, восприняв повышение налогов как недружественный шаг со стороны центральной администрации, покинул Ташилхунпо и отправился в Пекин, где в 1925 г. был тепло принят гоминьдановским правительством. В 1932 г. Далай-лама разрешил Панчен-ламе вернуться в Тибет при условии выплаты им ранее установленных налогов. Китайское правительство попыталось воспользоваться этим новым обстоятельством и всячески оттягивало его отъезд, чтобы отправить вместе с ним в Тибет своих представителей и

военный эскорт. Кончина Далай-ламы XIII в 1933 г. осложнила ситуацию, и только в марте 1937 г. в сопровождении китайских чиновников и 500 солдат Панчен-лама прибыл в Чекундо, где остановился, ожидая разрешения на въезд от тибетского правительства. В этом городе он заболел и умер 1 декабря 1937 г.

Напряженная обстановка в Восточном Тибете усугублялась тем, что в 1937 г. Япония продолжила захват северного Китая, а вскоре началась Вторая мировая война. Эти события сопровождались обнищанием, закрытием или гибелью монастырей. Однако повседневная жизнь Лаврана, где продолжал обучение Муге Самтэн, все еще не была нарушена. Согласно уже упомянутому нами описанию, в первой половине XX в. Лавран Ташикыл представлял собой крупный монастырь-университет, где было 6 факультетов (*дацанов*). Факультет философии Мэчжун Тхёсамлин (*rMad byung tho bsam gling*), основанный 1-м Чжамьяном Шейпой в 1710 г., насчитывал в начале XX в. около 3000 студентов, которые обучались по 13-летней программе, последовательно осваивая *дуйру* (4 года), *тагриг* (1 год), *парамиту* (4 года), *мадхьямаку* (2 года), *абхидхарму* (4 года)¹.

Факультет тантры Гьюмэ (*rGyud smad grwa tshang*) был также учрежден основателем Лаврана в 1715 г. В трех классах Гьюмэ – класс малых комментариев, класс больших комментариев и класс Ступени Зарождения (*ṭi ka chung 'dzin grwa*, *ṭi ka chen 'dzin grwa* и *bskyed rim 'dzin grwa*) – обучались 150 студентов.

Факультет Калачакры (*Dus 'khor grwa tshang*) был основан в 1763 г. Вторым Чжамьяном Шейпой для изучения астрологической системы Калачакра-тантры². На этом факультете обучались 100 студентов, которые также были разделены на 3 класса. В начальном классе комментариев (*ṭi ka*) изучался санскрит и основной корпус Калачакры³; во втором – Ступени Зарождения – студенты обучались из-

¹ Тринадцатилетняя программа обучения включала логику начальной, средней и высшей ступени (тиб. *bsdus grwa che 'bring chung gsum*), теорию логических обоснований (тиб. *rtag rigs*), теорию буддийского пути (тиб. *phar phyin*), учение о срединном пути, или теорию пустотности, т. е. отсутствия независимой сущности вещей и личности (тиб. *dbu ma*), теорию дхарм (тиб. *chos mngon pa*). Перечисленные дисциплины изучались во всех монастырях-университетах школы гелуг.

² Высшие тантры, такие как Самвародая, Хеваджра и Калачакра, содержали астрологический и иконометрический разделы. Введение в Тибете Калачакра-тантры датируется серединой XI в., однако она получила наиболее широкое распространение только в традициях гелуг и чжонан. Школа гелуг провела систематизацию и унификацию тантрийской обрядности высших тантр, в основном на основе традиции тантры Калачакры [Герасимова 1971: 53–55].

³ Прежде всего это сама тантра *Paramādibuddhoddhṛtaśrīkalacakra-nāma-tantrarāja*, которая входит в Кагьюр, и три основных комментария к ней, известные под общим названием *Sems 'grel skor gsum*. Это *Phyag rdor sTod 'grel* (*Vajrapāṇistutīkā*), *rDo rje sNying 'grel* (*Hevajrapaṇḍārthaṭīkā*) и *'Grel chen dri med 'od* (*Vimālaprabhā*). *Вималапрабха* – самый пространственный и известный комментарий к *Калачакра-тантре* (входит в Тэнгьюр) стал основой для развития комментаторской традиции Калачакры. *rDo rje sNying 'grel* – комментарий к *Хеваджра-тантре* с точки зрения системы Калачакры. В корпус *Калачакра-*

готовлению порошковой мандалы Калачакры, сакральному танцу и технике астрономических наблюдений.

На медицинском факультете (sMan pa grwa tshang), основанном 2-м Чжамьяном Шейпой в 1784 г., было более 100 монахов. Они также проходили три последовательных ступени обучения – на первой ступени студенты знакомились с общим обзором текстов Четырех Медицинских Тантр и начинали практическое освоение фармакологии. На второй ступени изучались комментарии к основным текстам тибетской медицины, на третьей – совершенствовались в науке врачевания.

Факультет Хеваджры (Кье рдор грва тшанг) был основан 4-м Чжамьяном Шейпой в 1881 г. для изучения пекинской астрологической системы¹. Там обучались 120 студентов. На факультете Гьюто (гГюд стод грва тшанг), основанном 5-м Чжамьяном Шейпой в 1939 г., также преподавалась тантра, но методы отличались от преподаваемых в Гьюмэ [Li Anche: 30–33].

Итак, в монастыре Лавран Ташикьил Муге Самтэн Гьяцо продолжил обучение под руководством ламы Кёнчога Самдуба на философском факультете Мэчжун Тхёсамлин и вскоре стал одним из лучших в классе диспута. Он получил титул «знатока логики» (rigs pa smra ba). Именно тогда за ним закрепилось имя Муге Самтэн Гьяцо, с тех пор хорошо известное в Лавране, а затем и повсюду в Тибете [А: 542].

В 1942 г., когда Муге Самтэн Гьяцо перешел в класс изучения мадхьямаки, по просьбе родителей ему пришлось прервать занятия в Лавране и на время вернуться домой. Там молодой ученый продолжил обучение в монастыре Муге Таши Хорло и в результате бесед с ламой Лобсан Чойдэном впервые серьезно задумался об изучении классических индо-тибетских наук (тиб. rig gnas, санскр. vidyāsthāna)². Он начинает углубленные занятия науками с поэзии (тиб. snyan

тантры могли входить и другие многочисленные комментарии [BGTC: 2939]. Также см. «Синюю летопись» Гой-лоцавы Шоннупэла ('Gos lo tsa ba gZhon nu dpal. Dep ther sngon po) [СЛ: 275, 401, 430].

¹ Со времен императора Цянь Луна (1736–1795) в Пекине развивается центр тибето-буддийской учености с политической целью усилить влияние на тибето-монгольский мир [Герасимова 1971: 13]. Пекинская астрологическая школа опиралась на астрологический раздел Хеваджра-тантры (Hevajra-tantrarāja-nāma).

² Десять классических индо-тибетских наук – это генетически связанная с буддизмом система знания, которая на протяжении веков транслировалась в Тибет из Индии. Ключевую роль в этой системе играет буддийская наука (nang don rig pa), включающая пять аспектов буддийской философии и четыре класса тантр. Пять аспектов философии (mtshan nyid) – это *парамита* (phar phyin), *мадхьямака* (dbu ma), *абхидхарма* (chos mngon pa), *виная* ('dul ba), экспозиция философских систем (grub mtha'); четыре класса тантр – это *крия*, *чарья*, *йога* и *ануттарайога-тантра*. Кроме этой области знания к группе основных дисциплин, которые в тибетской традиции называются «пять больших наук» (rig gnas che ba lnga), относятся технология, или технические искусства (bzo rig pa), медицина (gso rig pa), грамматика (sgra rig pa) и логика (gtan tshigs rig pa). К группе вспомогатель-

ngag) – его привлекает возможность практиковаться в искусстве композиции. Первыми его самостоятельными сочинениями были «Хвала Сарасвати» и «Хвала Манджушри» в трех частях. В этот период Муге Самтэн Гьяцо знакомится с *намтаром* Миларепы и начинает писать письма друзьям в стихотворной форме.

Изучение грамматики и поэтики, начатые под руководством Лако-ринпоче, молодой ученый продолжил у ламы Ом Кьилвы Чжамьяна Легше, который преподавал ему грамматические трактаты Тонми Самбхоты (VII в.) *Сумчуну* и *Таг-гичжугну*, подробно разъяснял комментарий к санскритской грамматике Анубхути *Сарасвата-вьякарана* (*dByangs can sgra*)¹, а также комментарий 5-го Далай-ламы к трактату по поэтике «Зерцало поэзии» (*Кавья-адарша*) индийского поэта и ученого Дандина (VI–VII в.) под названием «Мелодия, радующая Сарасвати» (*dByangs can dgye pa'i glu*). Известный в то время ученый Лхамо Цюлтимпа обучает его такой области технологии (*bzo rig pa*), как разновидности письма – *лэньца*, *варту*, *сугрин* (*sug ring*) [Chattopadhyaya 1981: 200–201]², а также одной из «пяти малых» наук – астрологии. Муге Самтэн изучает астрологический трактат Таггён Тэнпе-Рабгье «Сияющий свет в подношение царям Шамбалы» 1867 г. (*Rigs ldan mchod pa'i 'od snang*). Из биографии известно, что по приказу 5-го Чжамьяна Шейпы Муге Самтэн Гьяцо написал письмом *лэньца* мантры трех *йидамов* – Чакрасамвары, Гухьясамаджи и Ямантаки (*bde, gsang, 'jigs gsum*) на дверях нового дацана Гьюто³.

Когда ему исполнилось 32 года, Муге Самтэн получил распоряжение написать мантры письмом *лэньца* на главных дверях соборного храма монастыря Амчог. В этом монастыре лама Аку Чжамьян Атуг, который преподавал тибетскую грамматику и правописание, руководил его изучением астрологических и грам-

ных дисциплин, или «пяти малых наук» (*rig gnas chung ba lnga*), относятся поэтика (*snyan ngag*), лексикография (*mngon brjod*), драматическое искусство (*zlos gar*), метрика (*sdeb sbyor*) и астрология (*skar rtsis*) [Введение в изучение Ганчжура и Данчжура 1989: 87–112]. Система терминов «пяти больших наук» дана в известном тибетско-монгольском терминологическом словаре буддизма «Источник мудрецов» (*Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas*) (1741–1742).

¹ *Сарасвата-вьякарана* (*Sārasvata-vyākaraṇa*, *Dbyang can brda sprod*) – санскритская грамматическая шастра, написанная Анубхути-сварупачарьей (XIII–XIV вв.). Для этой грамматики были характерны краткость и простота изложения, что делало ее чрезвычайно востребованной. Текст неоднократно переводился на тибетский язык, в том числе Таранатхой. Но самый известный перевод, вошедший в Тэнгьюр, был сделан при 5-м Далай-ламе индийским пандитой Балабхадрой, его младшим братом пандитой Кокуланатха Мишрой и тибетским переводчиком Дар-лоцавой Агваном Пюнцоком Лундупом. Комментариев к *Сарасвата-вьякаране* было написано множество. В тексте не указано, какой из них изучал Муге Самтэн Гьяцо под руководством своего учителя.

² Локеш Чандра собрал и опубликовал 11 учебников тибетского письма, разработанного на основе индийской графики. Они были собраны в Тибете, Китае и Монголии. Самый ранний из них датируется XVIII в. [Chandra 1982].

³ Был учрежден в Лхасе в 1939 г., а в Лавране – в 1940 г.

матических таблиц [А: 561]. Несколько позже по просьбе ламы Чжигмэ Тинлэя Гьяцо Муге Самтэн письмом *лэньца* пишет мантры трех божеств – Манджушри, Авалокитешвары и Ваджрапани (rigs gsum mgon po) – на стенах помещения для скульптурных изображений (gtsang khang) в соборном храме Лаврана, а затем и в главном зале соборного храма. В 1986 г. главный храм Лаврана сгорел, и Муге Самтэну удалось сделать лишь несколько фотографий уцелевших фрагментов надписей.

В 1940 г. после длительного пребывания в Центральном Тибете в Лавран прибыл 5-й Чжамьян Шейпа. Он ввел некоторые изменения в устав и структуру монастыря, стремясь расширить курс философского факультета и усовершенствовать систему обучения младших монахов. С этой целью в 1945 г. была учреждена специальная школа для младшего монашества, где среди прочих предметов изучалось театральное искусство – «драма Сонцен Гампо» (Srong btsan sgam po'i zlo gar)¹. Преподавателем тибетской грамматики и поэтики в эту школу 5-й Чжамьян Шейпа назначил Муге Самтэна Гьяцо.

Из автобиографии следует, что внезапная кончина 5-го Чжамьяна Шейпы, которому было всего 32 года, была большим ударом для монастыря. Основанная им школа для младшего монашества была закрыта. Вскоре после этого по распоряжению администрации монастыря Муге Самтэну Гьяцо присвоили степень *дорампа* [А: 567].

В Лавране была особая номенклатура ученых степеней, отличавшаяся от той, что существовала в гелугпинских монастырях Центрального Тибета. Младшая ученая степень *рабчжампа* (rab 'byams pa) присваивалась студентам от первого года обучения в классе *парамиты* до второго года обучения в классе *мадхьямаки*, сдавшим экзамен по логике и *мадхьямаке*, а также специальный устный экзамен по церемониям и литургии первого и второго лунного месяцев. Кандидаты из тех же классов, сдавшие экзамены по церемониям и литургии шестого лунного месяца, получали ученую степень *кабчу* (bka' bcu). Степень *карамба* (bka' gams pa) присваивалась всем, кто сдал экзамены за полный курс тринадцати классов-*дзинда*. Высшая ученая степень *дорампа* (rdo gams pa) после экзаменов по пяти основным предметам присваивалась студентам любого года класса *абхидхармы*. Эта степень соответствовала степени *геше-лхарампа* монастырей Сэра, Гандэн и Дрэпун в Лхасе. В Лавране термин *геше* использовался скорее как почтительное обращение, чем как наименование ученой степени [Li Anche 1982: 35].

В автобиографии ученый отразил всю сложность обстановки в Восточном Тибете, неоднократно подчеркивая угрозу основам буддийской культуры – монастырской системе образования, тибетской письменности и языку. В конце 40-х гг. XX в. будущее самого монастыря Лавран виделось Муге Самтэну неясным. «Ра-

¹ «Драма Сонцен Гампо» – цикл театрализованных эпизодов под названием rGya Bza' Bal bza' (Китайская и непальская принцессы), увековечивающий память о сватовстве и женитьбе тибетского царя Сонцена Гампо на китайской и непальской принцессах. Сюжет восходит к *Мани Кабуму* (XII в.) [Stein 1972: 276–278].

нее русские войска установили коммунистический режим в Бурят-Монголии и Халха-Монголии и провели реформы. Хотя необходимо было найти следующее перевоплощение Чжамьяна Шейпы, среди высшего духовенства не было согласия: одни считали, что признать его должен Панчен-лама, другие – что Далай-лама, поскольку Панчен¹ еще не был возведен на трон» [А: 570]. Победила точка зрения тех, кто счел более правильным, чтобы новое воплощение Чжамьяна Шейпы признал Панчен-лама, который в то время находился в Кумбуме. Его приглашение в Лавран оказалось трудной задачей, так как его администрация и руководство Лаврана не могли договориться между собой. Сочтя ситуацию, сложившуюся в Лавране, очень тревожной, Муге Самтэн решил покинуть монастырь [А: 571].

Так закончился период ученичества и начался третий этап жизни ученого, связанный с переводческой, общественной и просветительской деятельностью (1950–1959). Это время может быть охарактеризовано как начало политических реформ в Тибете, проходивших под лозунгом «единого фронта»² и радикальных изменений в китайско-тибетских отношениях. События, происходившие в это время, описаны в главах «О поездке в Пекин и работе в качестве старшего ученого секретаря», «О назначении старшим преподавателем в монастырь Муге Таши Хорло и преподавании там» и «О работе в агентстве новостей “Миндзян”».

Гунтан-ринпоче, дав Муге Самтэну Гьяцо наставления по истории, классическим наукам и социальным вопросам (*spyi sger gyi don*), назначил его старшим ученым секретарем (*drung chen mkhan po*) группы лавранских лам, которые по приглашению местной администрации направлялись работать в Ланьчжоу. Кроме того, ринпоче напутствовал его пожеланием побывать в Пекине и встретиться с геше Шераб Гьяцо [Dung dkar 2002: 1163–1164; Stoddard 1985: 86–88]. Геше Шераб Гьяцо (1884–1968) из Гоман-дацана монастыря Дрэпун был выдающейся фигурой своего времени. По указанию Далай-ламы XIII в период с 1916 по 1918 г. он подготовил к изданию первое полное собрание сочинений системати-

¹ Седьмой Панчен-лама Келсан Цетэн (1938–1989) был официально признан перевоплощением в Китае при поддержке гоминьдановского правительства 10 августа 1949 г. [Шакабпа 2003: 323]. В ноябре 1949 г. Седьмой Панчен-лама обратился с приветственным посланием к руководству КНР, в котором, в частности, говорилось: «Отныне можно ожидать процветания, здоровья и радости народа, есть надежда на возрождение государства. Можно ожидать в ближайшие дни освобождения Сицзана (Тибета)» [Кузнецов 2001: 170]. Седьмой Панчен-лама Келсан Цетэн был официально признан правительством Далай-ламы при подписании «Соглашения из семнадцати пунктов о мирном освобождении Тибета».

² «Единый фронт» – это стратегия КПК в отношении представителей вождей и элиты национальных меньшинств, в частности, в отношении тибетской аристократии и духовенства, которых в тот период было необходимо привлечь на свою сторону для успешного проведения реформ [Богословский 1975а: 144; Кычанов, Мельниченко 2005: 267–269].

затора тибетобуддийского канона, выдающегося ученого Будона Ринчендуба (1290–1364). В 1922–1923 гг. геше Шераб Гьяцо участвовал в подготовке нового издания Кагьюра в Лхасе. В 1937 г. Работал в Китае и Восточном Тибете. Геше Шераб Гьяцо перевел на китайский язык «Ламрим» Цонкхавы и на тибетский язык «Три принципа народа» (Sanmin Zhiyi) Сунь Ятсена.

В Ланьчжоу, куда лавранские ламы прибыли поездом, их лично встретил геше Шераб Гьяцо. Радужный прием был оказан им представителем отделения «единого фронта» провинции Ганьсу. В 1950 г. Муге Самтэн Гьяцо и Шераб Гьяцо прибыли в Пекин, где с ними неоднократно встречались представители КПК и китайского правительства. Муге Самтэн Гьяцо пишет об этих событиях следующее: «Имея склонность к наукам, я хотел поступить в какую-нибудь школу, чтобы изучать китайский и английский языки, однако Ян Цзижень, председатель Государственного комитета по делам национальностей, сказал: “Мы нуждаемся в том, чтобы вы сотрудничали с нами. Сычуань, Сикан¹ и Центральный Тибет еще не освобождены. Ваша работа с тибетским языком – вот что самое главное”. Геше ринпоче дал ему твердое обещание [сотрудничать]» [А: 575].

Сотрудничество заключалось в переводе на тибетский язык и редактировании популярных иллюстрированных журналов и других изданий. Качество переводов, с которыми им пришлось работать, оказалось ниже всякой критики: «Исказив тибетскую грамматическую традицию, ее превратили в нечто лишенное всякой логики. [Китайцами] был составлен “Краткий грамматический справочник”, который распространили по всем районам, где проживали тибетцы. Все газеты и журналы на тибетском языке обнаруживали незнание как тибетского, так и китайского языка. После выхода в свет “Краткого грамматического справочника” я сочинил комментарий к *Сумчуне* и *Таггичжугне* и его напечатало Народное издательство провинции Сычуань» [Там же: 597]. Угроза вытеснения и уничтожения традиционной тибетской письменной культуры была столь очевидна, что толкнула ученого на опасный шаг, который мог вызвать репрессии со стороны китайского правительства, – публикацию собственных комментариев к трактатам Тонми Самбхоты, которая должна была предотвратить попытки внедрения намеренно искаженной версии тибетской грамматики.

Муге Самтэн Гьяцо оказался в центре событий 1951 г. Согласно автобиографии ученого, в Пекин прибыл Гунтан-ринпоче, а затем и Панчен-лама. Ученый участвовал в его торжественной встрече. Присоединившийся к ним вскоре Гьяаг-ринпоче (rGya uag rin po che, монг. Джаягсы-Геген) призывал к тому, чтобы как можно скорее был найден 6-й Чжамьян Шейпа. Гунтан-ринпоче получил известие о том, что тибетские представители утвердили «Соглашение из семнадцати пунктов о мирном освобождении Тибета». Муге Самтэну Гьяцо пришлось принять участие в работе по подготовке этого соглашения к печати [Там же: 576].

¹ Новая провинция Сикан была образована на территории части Кхама в 1936 г., но до 1950 г. фактически не существовала [Празаускене 1978: 136].

Шакабпа отмечает, что участвовавшим в подписании соглашения тибетским делегатам не было разрешено обратиться к Далай-ламе или тибетскому правительству за дополнительными инструкциями. Кроме того, тибетские государственные печати, которыми были скреплены документы, «были подделаны китайцами» [Шакабпа 2003: 321]. В. С. Кузнецов дает этому событию следующую оценку: «Соглашение 23 мая 1951 г. означало переход тибетского теократического государства, управляемого “богом-царем” далай-ламой, под суверенитет Китайской Народной Республики. Этот акт выходил за рамки чисто политического события и знаменовал начало процесса включения социополитической системы Тибета в принципиально отличный от нее государственный организм КНР» [2001: 169].

Реформы, начавшиеся в середине 1950-х гг. в Восточном Тибете, не встретили поддержки тибетского населения. В Кхаме начались восстания. В Центральный Тибет, находящийся под управлением правительства Далай-ламы, стекались беженцы, среди которых были вооруженные отряды *кхампа* [Богословский 1975б: 107]. Правительство Тибета, руководствуясь ранее подписанным «Соглашением из семнадцати пунктов...», настаивало на проведении реформ с учетом местных традиций и существующих условий. Далай-лама учредил для проведения реформ специальный комитет *Легчой-лекун*. В 1956 г. начал свою работу Подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного района – структура, полностью контролируемая китайским правительством [Шакабпа 2003: 324]. Подготовительный комитет ограничивал власть Далай-ламы и проводил в жизнь реформы, которые предполагали изменение политической системы Тибета, внедрение новых форм хозяйствования, образовательных институтов, современной медицины.

В 1955 г., когда ему исполнился 41 год, Муге Самтэну Гьяцо было поручено редактировать переведенные на тибетский язык материалы для агентства новостей «Миндзян» (Ming kyang). В 1957 г. ему пришлось участвовать в собрании против «правых уклонистов» (gyas lhung pa). Об этом событии он вспоминает: «Поскольку не было проведено никаких реформ в области религии, я облачился в монашеские одежды, принял благообразный вид и притворился, что ничего не понимаю по-китайски. Таким образом, мне не пришлось осуждать себя и других» [А: 587].

Преподавательская деятельность Муге Самтэна началась в 1953 г., когда он и *лхарампа* Кёнчог Тэнзин были назначены преподавателями философии в монастыре Муге Таши Хорло. Важным событием в жизни монастыря было приглашение лавранского Доби-тулку Келсана Пэлчжора Санпо, одного из основных учителей Муге Самтэна. Сам же он помимо философии преподавал для некоторых лам индийскую и китайскую астрологию.

В 1959 г. Муге Самтэна вызвали в Пекин для работы над Большим тибетско-китайским словарем и редактирования переводов сочинений Мао Цзэдуна, которые должны были войти в краткий сборник, издаваемый к 10-летию КНР. Вскоре

для участия в работе над словарем в Пекин приехал и Цетэн Шабдрун, с которым Муге Самтэн подружился – их объединял глубокий интерес к тибетобуддийской культуре и изучению классических буддийских наук.

Четвертый период жизни ученого (1960–1977) совпадает со временем тяжелых испытаний для всего тибетского народа. В 1959 г. правительство КНР начало проводить реформу буддийской церкви, которая практически подорвала экономическую базу существования монастырей. Конфисковывались церковные земли, деньги и ценности. Проводилась кампания за массовое возвращение монахов в «мир» и приобщение их к производительному труду. В результате этих преобразований была ликвидирована теократическая система правления, подорвана политическое влияние церкви и резко сократилась численность монашества [Богословский 1976: 113].

Летом 1960 г. Муге Самтэн Гьяцо отправился в Ато (rNga stod) навестить мать и сестру, где пробыл полтора месяца. Местный монастырь [Гомангар], где существовала школа по изучению буддийской философии (mtshan nyid dgon pa), был закрыт. Из типографии, где было брошено множество книг, ученый взял несколько томов. Нашел он и довольно много продуктов питания – масло, сыр, зерно и цампу. Это помогло ему выжить, поскольку в этой местности вскоре начался голод.

Изнурительные для населения реформы в области сельского хозяйства не давали никаких результатов. 1961–1962 гг. были страшным временем для населения Восточного Тибета. «Люди пухли и умирали от голода», – пишет Муге Самтэн Гьяцо. В тот же период была развязана очередная кампания, на этот раз против «советского ревизионизма» (Su'u len bzo bcos), сопровождавшаяся ежедневными изобличительными собраниями. В 1965 г., когда ученый приехал в Чэнду, ситуация стала еще напряженнее. В преддверии культурной революции в районах, где проживало неханьское население, беспрестанно организовывались новые кампании, например, «социалистическое движение», война «четырем старым» – старым идеям, старой культуре, старым обычаям и старым привычкам [Он же 1975б: 102–105].

Культурная революция (rig gnas gsar brje), начавшаяся в КНР в 1966 г., застала ученого в Чэнду (провинция Сычуань). Вот как он описывает начало этого события в Чэнду: «В год огня-лошади (1966 г.), когда мне было пятьдесят три года, разразилось страшное бедствие – так называемая “культурная революция”. В октябре месяце бойцы “красной гвардии” (dmar srung dmag) схватили нас пятерых и вывели из здания районной администрации, разграбив все, что находилось в здании. Мы сопротивлялись. Нас привели на рыночную площадь. В глубине души я не испытывал страдания. Я подумал, что такова уж природа сансары. Эти события побудили меня к созерцанию непостоянства и пороков сансары. Раньше я немного познакомился с этими темами, читая литературу ламримы и “очищения ума” (blo sbyong)¹. Потом людей хватили постоянно. Однажды ночью мне

¹ Особая практика «очищения ума», которая распространялась в Тибете последователями индийского ученого Атиши (982–1054) [Sweet 1996: 244–260].

приснилось, что я встретил драгоценного учителя, который стоял в монашеском одеянии. Это был благой знак, свидетельствующий о том, что в будущем мои заслуги немного возрастут. Когда я шел на рыночную площадь в полном монашеском облачении, на голове у меня была шапка, которую носят в *ритодах*. На правое и левое плечо я положил по несколько листов из кадампинских сочинений. В руки взял четки и большой *намтар* Атиши. Обличительные выкрики толпы были для меня лишь шумом. В душе зародилась какая-то радость, и мне захотелось петь: “Шафрановые одежды я надел, украшение наставлений кадам я надел. В руках моих – том кадампинских сочинений, на голове – шапка с широкими полями. О радость, что за счастливый день!” Я произносил то, что приходило в голову: “Пусть вся омраченность и страдания падших существ созреют для меня, свои же благие заслуги посылаю другим, пусть пребудут во благе все скитальцы сансары”. Мой голос сливался с их выкриками, порой они не могли слышать меня, порой, хоть и слышали, китайцы не могли понять смысл. Им казалось, что я выкрикиваю что-то похожее на осуждающие слова. Туда привели глупых тибетских детей, которые, как и китайцы, что ни скажи, не могли понять ни слова» [А: 591–592]. В самый тяжелый момент, когда он был приведен на публичный суд, ученый обращается к практике «очищения ума», одним из приемов которой является «обмен себя на другого» – мысленное перенесение всех бед и несчастий другого на себя, а своего блага и счастья – на другого.

Ученого приговорили к принудительным работам в местности Цзига (*rDzi 'gag*), где он находился в течение года и двенадцати дней. Затем он был отправлен в Баркам (Маркан)¹, где пытался сочетать каторжный труд с изучением буддийских сочинений. Освобождение пришло только в 1973 г.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. в китайской прессе получили широкую огласку факты, свидетельствовавшие о длительном периоде проведения в КНР политики этнокультурной дискриминации и насильственной китаизации живущих в Китае народов. Газета «Гуанмин жибао», критикуя эти аспекты культурной революции, писала о «подавлении национальной литературы и национального искусства», об «удушении национальных языков и письменностей» [Москалев 1979: 50].

В 1975 г. в Чэнду ученый возобновил работу над составлением Большого тибетско-китайского словаря (*Bod rgya tshig mdzod chen mo*)². Через 3 года он отправился в Пекин на конференцию, посвященную созданию этого двуязычного толкового словаря, включающего не менее 50 тыс. статей. Муге Самтэна Гьяцо попросили принять участие в работе над словарем, для которого он составил около 6 тыс. статей, касающихся буддийской терминологии. При окончательной редакции часть этих статей не была включена в словарь, а содержание некоторых подверглось изменению.

¹ Административный центр Аба-Тибетского автономного округа.

² В издательском предисловии к компактному изданию словаря, выпущенному издательством «Мириг петункан» в 1993 г., упомянуты три тибетских ученых, внесших вклад в создание этого лексикографического труда – Цэтэн Шабдун, Дункар Лобсан Тинлэй и Муге Самтэн Гьяцо [BGTC: 3].

Пятый и самый плодотворный период деятельности Муге Самтэна Гьяцо (1978–1993) – это время, когда полностью востребованными оказались его знания в области традиционных наук, талант преподавателя и опыт взаимодействия с официальными организациями.

Начиная с 1978 г. в КНР политика в отношении национальных меньшинств и буддийской культуры, в частности ее монастырской формы, становится более толерантной. В автобиографии Муге Самтэна Гьяцо приводятся названия монастырей в Аба-Тибетском автономном округе, образованном в 1953 г. на территории провинции Сычуань, где он с конца 1970-х гг. вел преподавательскую и проповедническую деятельность. Из его повествования следует, что в 1980–90-х гг. была достигнута определенная свобода практики и проповеди буддизма, возобновилась деятельность многих монастырей, возросло их благосостояние, начались строительные и реставрационные работы.

В 1980 г. Муге Самтэн Гьяцо принял участие в конференции, посвященной языку национальных меньшинств. В процессе обсуждений и споров ему удалось доказать научную несостоятельность «Краткого грамматического справочника» и распространить по всему Тибету, включая центральные районы, свою статью с обоснованием отмены «пагубных изменений» в области тибетского языка, предложенных китайскими реформаторами. Его поддержал Дункар Лобсан Тинлэй, прислав из Пекина одобрительное письмо.

В последующие годы ученый много работал для возрождения традиции изучения тибетской грамматики и основных комментариев к базовым трактатам Тонми Самбхоты. В 1985 г. Муге Самтэн Гьяцо преподавал тибетскую грамматику и поэтику в юго-западном Университете национальностей¹ в Чэнду (провинция Сычуань) для 40 слушателей из разных тибетских автономий КНР. Ученый внес значительный вклад в процесс возрождения буддийской культуры в Аба-Тибетском автономном округе. На организованных им курсах комментировал грамматические трактаты Тонми Самбхоты *Сумчупу* и *Таггичжугну*, «Мелодию, радующую Сарасвати» (*dByangs can dgye pa'i glu*)², *Сарасвата-вьякарантику*³, а также сочинение «Исследование тибетского ученого “Переправа через море благозвучий”» (*Bod mkhas dpe brjod sgra dbyangs rgya mtsho'i jug ngog*)⁴. Он также читает курс астрологии на основе сочинения «Астрологический трактат “Сияющий свет в подношение царям Шамбалы”» (*sKar rtsis rigs ldan mchod*

¹ 西南民族大学. Основан в 1950 г.

² Известный трактат по поэтике 5-го Далай-ламы.

³ Один из подробных комментариев к *Сарасвата-вьякаране*.

⁴ Комментарий к *Кавья-адарше*, написанный тибетским ученым Мипамом Гелэгом Намгьялом (1618–1678) [Dung dkar 2002: 1431; PGTC: 1847].

pa'i 'od snang)¹ и комментирует свои сочинения по астрологии. В этот период он создал ряд трудов, посвященных теории языка, работал над составлением серии учебников и пособий для обучения чтению и письму (*yig rmong gsal ba'i slob theb*); всего было опубликовано 4 таких книги.

Муге Самтэн Гьяцо известен не только как автор исторических трудов и сочинений по истории культуры, но и как знаток науки о языке и связанных с нею вспомогательных дисциплин – поэтики, метрики и лексикографии. Изучив историю и рубрикацию словаря *Махавьютпатти* (*Bye brag rtogs byed chen po*) и двуязычного словаря с грамматическим комментарием в двух томах (*sGra sbyor bam po gnyis pa*), созданных в первой четверти IX в.², он составил Санскритско-тибетский словарь (*sam bod shen sbyar*), который вышел в свет в 1990 г.

Летом 1982 г. по приглашению Института медицины и астрологии Муге Самтэн Гьяцо отправился в Лхасу, где участвовал на Всекитайской конференции по астрономии и астрологии. Затем он посетил Поталу, Лхадэн Цуглагкан, три крупнейших монастыря-университета – Сэра, Гандэн и Дрэпун. Ученый совершил длительную поездку по Цану и на юг Тибета. Проехав через Ташилхунпо, он направился в Сакья, где тщательно осмотрел главный храм и другие здания монастыря. Побывал он в Марлам Шалу, а затем в Лхоха, где посетил замок Юмпулакан, осмотрел захоронения древних царей.

В 1983 г. в пекинской Центральной народной школе, в классе изучения древней письменности, он дал комментарий к своему сочинению по поэтике «Энциклопедия разъяснений [смысла] поэзии» (*sNyan ngag yang gsal snang mdzod*)³. После этого он совершил поездку по Шехо (*Zhe ho*), посетив Самье,

¹ Сочинение написано в 1867 г. Даггоном Тэнпа-Рабгье (*Brag dgon bstan pa rab rgyas*) (1801–?), автором «Истории буддизма в Восточном Тибете» (*mDo smad chos 'byung*) [*Dung dkar* 2002: 1494–1495; BGTC: 2639].

² Терминологический санскритско-тибетский словарь *Махавьютпатти* (*Mahāvvyutpatti*, тиб. *Bye brag tu rtogs byed chen po*), или Большое этимологическое исследование [лексики], был составлен в период «второй великой редакции» языка переводов, т. е. в начале IX в. В этот период были предприняты попытки унификации языка переводов и создания свода правил, которым должны были руководствоваться переводчики буддийских текстов с санскрита. *Махавьютпатти* представляет собой первый в Тибете научный словарь, содержащий буддийскую терминологию, термины буддийских наук, слова, встречающиеся в индийской литературе. Комиссия, в составе которой были индийские и тибетские ученые, проанализировавшие тысячи текстов, составила три варианта словаря – большой, средний и малый. Средний вариант получил название «Грамматический трактат в двух томах» (*sGra sbyor bam po gnyis pa*).

³ Это подробный комментарий к сочинению 1-го Чжамьяна Шейпы «Устные наставления Сарасвати, обладающие светом ста тысяч солнц» (*dByang can zhal lung Nyi ma 'bum gyi 'od can*), которое, в свою очередь, является комментарием к «Зерцалу поэзии» (*Кавья-адарша*) Дандина.

Шехор Поталу¹, Дэмчог Подран, Чжамьян Лхакан и другие достопримечательности. В китайской версии *карчага* монастыря Самье² он обнаружил текст, содержащий историю детей царя Сонцена Гампо, рожденных от его китайской супруги.

Вернувшись в Пекин, он работал там 4 месяца, после чего посетил города Татун (Ta' thung), гору У Тайшань, проехал через Чэнду, в Кумбум и, наконец, прибыл в Лавран Ташикыл. Он совершил поездки по многим монастырям – Муге Таши Хорло, Гомангар в Ато, Тагца Чойсанлин, Чамдо-гёнчен, где преподавал классические науки, основываясь на собственных сочинениях. В 1986 г. в Лавране он читает курс по грамматическим комментариям Дати (Bra ti)³.

Вторая половина 80-х – начало 90-х гг. были для Муге Самтэна Гьяцо периодом интенсивной преподавательской, проповеднической и творческой деятельности. В это время он создал ряд философских, исторических и биографических сочинений, несколько работ по астрономии, истории культуры, теории грамматики и поэтики.

Последние дни жизни ученого прошли в Муге Таши Хорло, где весной 1993 г. он стал свидетелем завершения работ по восстановлению Ендум-чотэна. В это время мастера трудились над верхней частью сооружения и навершием в виде солнца и луны. При учителе неотлучно находились ученики Лабсум Гьяцо и Сонам Таши. Нередко приезжали к нему и посетители из окрестных монастырей, в которых он проповедовал. Муге Самтэн Гьяцо скончался 6 мая 1993 г. Прах его захоронен в Ендум-чотэне в Муге.

Исследование исторического пласта автобиографии показывает, что Муге Самтэн Гьяцо – буддийский ученый, просветитель, религиозный и общественный деятель, сыгравший заметную роль в тибетской культуре минувшего столетия. В издательском предисловии к полному собранию его сочинений сказано: «Всю жизнь он посвятил традиционным наукам своего народа: с любовью и заботой восстанавливал то, что пришло в упадок, способствовал преумножению того, что осталось невредимым; заботился о развитии культуры преданно, искренне, неустанно. Речь его звучала неумолчно, он отдавал своему делу все силы, доброта же его была просто необыкновенна» [Gsung 'bum 1. Pod 1, 1].

В автобиографии ученый представлен как участник важнейших событий и процессов, происходивших в истории тибетобуддийской культуры XX в. Сведе-

¹ Храм, построенный по образцу лхасской Поталы [PGTC: 2401].

² «История монастыря Самье» (*bSam yas lo rgyus*), или «Большой каталог Самье» (*bSam yas dkar chag chen mo*), известное также под названием «Генеалогия царей, сочиненная министром из Ба» (*rGyal rabs sBa bzhad*). Текст издан в переводе на английский язык [dBa' bzhed].

³ Bra ti dge bshes rin chen don grub, тибетский ученый XVIII в. Автор комментариев на «Сумчупу» и «Таггичжугпу» – *Kun bzang dgongs gsal* и *rTags 'jug dgongs 'grel gsal ba* [BGTC: 1897].

ния исторического характера, которые он сообщает в своей автобиографии, дают возможность оценить роль просвещенного буддийского духовенства в деле сохранения и дальнейшего возрождения в Тибете традиционных духовных ценностей.

Источники

А – dMu dge bsam gtan rgya mtsho. Rang gsal A dar sha [Муге Самтэн Гьяцо. Автобиография «Зерцало, отражающее историю моей жизни»] // Gsung 'bum 1. Pod 1, 525–707.

Gsung 'bum 1 – rJe dMu dge bsam gtan rgya mtsho'i gsung 'bum. Pod 1–6. – Zi ling: mTsho sngon mi rigs dpe skrun khang, 1997.

Gsung 'bum 2 – rJe btsun bsam gtan rgya mtsho dpal bzang bo'i gsung 'bum. Pod 1 – 6. – Khren tu: Si khron mi rigs dpe skrun khang, 2009.

КМ – dMu dge bsam gtan rgya mtsho. Bod kyi lo rgyus kun dga'i me long [Муге Самтэн Гьяцо. «История Тибета “Зерцало блаженства”»] // Gsung 'bum 1. Pod 3, 3–383.

Sa pan – Sa skya Pandita. Mkhas pa nmams 'jug pa'i sgo [Сакья Пандита. «Введение в ученость»] / Pandita Kun dga rgyal mtshan gyi bka' 'bum (Tha). No 6. F. 163–224a // Sa skya pa'i bka' 'bum. Vols 1–15 (Ka – Ba). – Tokyo: The Toyo Bunko, 1968.

Источники в переводах

dBa' bzhed, the Royal Narrative Concerning the Bringing of Buddha's Doctrine to Tibet / transl. from the Tibetan by Pasang Wangdu and Hildegard Diemberger. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2000. – XV + 124 p. + 32 p. (facsimile reproductions of Tibetan text).

СЛ – Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя летопись ('Gos lo tsa ba gZhon nu dpal. Dep ther sNgon po) / пер. с тиб. Ю. Н. Рериха (1949), пер. с англ. О. В. Альбедия, Е. Ю. Харьковской. – СПб.: Евразия, 2001. – 768 с.

Справочные издания

BGTC – Bod rgya tshig mdzod chen mo / Krang dbyi sun et alter. – Pe cin: Mi rig dpe skrun khang, 1993.

Dung dkar – Mkhas dbang dung dkar blo bzang 'phrin las mchog gis mzad pa'i bod rig pa'i tshig mdzod chen mo *Shes bya rab gsal* (Dung dkar tshig mdzod chen mo). – Pe cin: Krung go'i bod kyi shes rig dpe srung khang, 2002.

Исследования

Богословский В. А. Тибет и «культурная революция» // Проблемы Дальнего Востока. – 1975а. – № 4 (16). – С. 142–153.

Богословский В. А. Горькая судьба тибетцев // Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М.: Изд-во политической лит-ры, 1975б.

Богословский В. А. Ламаистская церковь в Тибете и ее современное положение // Китай: традиции и современность. – М.: Наука, 1976. – 336 с.

Богословский В. А., Москалев А. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). – М.: Наука, 1984. – 260 с.

Введение в изучение Ганчжура и Данчжура / Н. Д. Болсохоева, Ц. П. Ванчикова, Д. Б. Дашиев и др.; под ред. Р. Е. Пубаева. – Новосибирск: Наука, 1989. – 198 с.

Востриков А. И. Тибетская историческая литература. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 428 с. – (Bibliotheca Buddhica 32).

Герасимова К. М. Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. – 304 с.

Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. – М.: Государственное изд. географ. лит-ры, 1948. – 328 с.

Кузнецов В. С. Проблема «ламаистская церковь Тибета и правительство КНР» в отечественной литературе // XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае». – М.: Вост. лит-ры, 2001. – С. 169–176.

Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. – М.: Вост. лит-ры, 2005. – 352 с.

Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев и др. – Новосибирск: Наука, 1983. – 236 с.

Москалев А. А. Национальная политика // КНР в 1977 году: политика, экономика, идеология. – М.: Наука, 1979.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. – XVI + 492 с.

Празаускене И. А. Система управления в Восточном Тибете (XVIII – первая половина XX в.) // Государство и общество в Китае. – М.: Наука, 1978.

Шакабпа Цэпон В. Д. Тибет. Политическая история / пер. с англ. А. Дюранова. – СПб.: Нарпанг, 2003. – 428 с.

Chandra Lokesh. Indian Scripts in Tibet. – New Delhi: Sharada Rani, 1982. – 73 p.: ill. (Śatapitaka Series. Vol. 297).

Chattopadhyaya Alaka. Aṭīṣa and Tibet. – Delhi: Motilal Banarsidass, 1981. – 594 p.

Dowman Keith. Masters of Mahamudra. – Albany (N.Y.): State University of New York Press, 1985. – XVII + 454 p.

Goldstein Melvyn C. The Revival of Monastic Life in Drepung Monastery // Buddhism in Contemporary Tibet: Religious Revival and Cultural Identity. – Berkeley, 1998. – P. 15–52.

Gyatso Janet. Autobiography in Tibetan Religious Literature: Reflections on the Modes of Self-Presentation // Tibetan Studies: Proceedings of the 5th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. – Naritasan Shinshoji, 1992.

Li Anche. Labrang: A Study in the Field / Transl. and ed. by Chie Nakane – Tokyo: Institute of Oriental Culture, University of Tokyo, 1982. – IX + 121 p. (Tōyōgaku Bunken Sentā sōkan. Besshū 5).

Robinson J. B. The Lives of Indian Buddhist Saints: Biography, Hagiography and Myth // Tibetan Literature: Studies in Genre. – Ithaca (N. Y.): Snow Lion, 1996.

Ruegg D. S. Introduction // The Life and Teachings of Bu Ston Rin po che. – Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1966. – XVIII + 192 p. (Serie Orientale Roma XXXIV).

Stein R. A. Tibetan Civilization / transl. from the french by J. E. Stapleton Driver. – London: Faber, 1972. – 334 p.

Stoddard Heather. Le mendiant de l’Amдо. – Paris: Société d’ethnographie, 1985. – 396 p.

Sweet M. J. Mental Purification (Blo sbyong): A Native Tibetan Genre of Religious Literature // Tibetan Literature: Studies in Genre. Ithaca (N.Y.): Snow Lion, 1996.